личных, но реально существующих социальных прослоек. В трагедии «Гебры» наряду с садовником и солдатом встречаем также и офицеров.

Углублением понятия естественного человека вопросом о социальных (в широком смысле этого слова) условиях его бытия диктовалось и обращение того же Вольтера к сюжетам национальной истории, а также его настойчивая, хотя и не всегда последовательная аппеляция к английскому театру, т. е. к Шекспиру. Наряду с введением в трагедию «обыкновенных людей» это выражало интерес Вольтера к социальной, в том числе и исторической конкретности персонажей. Все это, вместе взятое, знаменовало разложение драматургической системы классицизма, видоизменяло существенным образом ее проблематику, самый предмет ее изображения, вносило новые этические и эстетические принципы, уже намечащие некоторые черты преромантического и романтического искусства. Так, интерес Вольтера к сюжетам национальной истории перекликается с историзмом романтиков. Недаром Ф. Шлегель назвал «Заиру» «трагедией подлинно романтической».

Перенесение трагического конфликта из внутреннего мира человека, из столкновения заключенных в нем самом страстей в область внешнего насилия над естественной человеческой природой неразумных, противоестественных общественных установлений вело Вольтера по сравнению с трагиками XVII века к некоторой реабилитации человеческой природы, реабилитации, предвосхищающей руссоистскую, идиллическую концепцию естественного человека («Альзира», 1736 г.). И мы не ошибемся, если скажем, что, несмотря на всю враждебность Вольтера к руссоистской концепции и ее автору, Руссо в какой-то мере вырастает из Вольтера.

На этом кончается историческая миссия французского классицизма.

Нужно вспомнить жестокость эпохи Корнеля, Расина и Вольтера, ее религиозное изуверство и деспотизм, ее средневековое судопроизводство с его инквизиторскими методами, суеверие господствующих классов, невежество и бесправие народных масс, нужно представить себе все это, чтобы осознать историческое значение классицистического театра, его гуманизм, силу и широту его эстетического воздействия. По свидетельству врага классицизма Сюблиньи, «повар, кучер, конюх, лакей — все, вплоть до водоноса, считали нужным обсуждать Андромаху». То, что в глазах Сюблиньи дискредитировало классицизм, на деле свидетельствовало о глубокой человечности и широчайшей доступности этого искусства в свое время.